

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА



ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

Материалы VII Международной
научно-методической конференции

Нур-Султан, 2019

**ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ**

**Нур-Султан
2019**

УДК 81'42
ББК 81.2-5
Т11

Ответственный редактор: Е.А. Журавлева

Редакционная коллегия:

Ш.К. Жаркынбекова, М.Б. Нуртазина, Г.К. Аюпова,
Д.С. Ташимханова, Э.Э. Яворская (тех. ред.)

Т11 Текст в системе обучения русскому языку и литературе:
материалы международной научной конференции / Отв. ред. Е.А. Журавлёва.
– Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. – 270 с.

ISBN 978-9965-31-518-3

Сборник содержит статьи участников VII Международной научно-практической конференции «Текст в системе обучения русскому языку и литературе». Выступления участников конференции посвящены тексту как объекту лингвистического исследования, особенностям его функционирования в поликультурном пространстве, проблемам интертекстуальности и интермедиальности, культуры речи, интерпретации художественного текста и переводу, внедрению новых информационных технологий в преподавание языка.

ISBN 978-9965-31-518-3

УДК 81'42
ББК 81.2-5

© ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2019

6. Самотик Л.Г. Здесь русский дух, здесь Русью пахнет // Научный ежегодник Красноярского гос. пед. университета им. В.П. Астафьева: сборник статей /Отв. ред. Н.И. Дроздов. – Красноярск, 2002. – С. 179-193. // Электронный ресурс. – [Режим доступа]: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24433643> (дата обращения 15.05.2019).
7. Астафьев В.П. Последний поклон: повесть в рассказах. – М.: Эксмо, 2006. – 848 с.
8. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Русский язык, 2003. – 616 с. // Электронный ресурс. – [Режим доступа]: <https://vdahl.ru/word> (дата обращения 17.05.2019).
9. Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. – М.: Сюита, 1996. – 543 с. // Электронный ресурс. – [Режим доступа]: <https://spbplib.ru/catalog//4185199> (дата обращения 17.05.2019).
10. Астафьев В.П. Веселый солдат: повесть. – Санкт-Петербург: Амфора, 2015. // Электронный ресурс. – [Режим доступа]: <http://modernlib.net/books/> (дата обращения 18.05.2019).
11. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с. // Электронный ресурс. – [Режим доступа]: <https://nashol.com/201801249861> (дата обращения 18.05.2019).

«ТЕКСТ ДЕТСТВА» В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ДУМБАДЗЕ И А. ПРИСТАВКИНА

Жапанова М.Е.

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Нур-Султан (Казахстан)
marzhan.eni@gmail.com*

В статье осуществлен опыт рассмотрения образа ребенка военного периода на материале художественных текстов грузинского и русского писателей Нодара Владимировича Думбадзе «Я вижу солнце» и Анатолия Игнатьевича Приставкина «Ночевала тучка золотая», что обусловлено спецификой общего историко-культурного пространства, в котором реализовался образ детства.

Ключевые слова: историко-культурное пространство, автобиографичность, символ, мотив, мифологизм.

In offered article was realised the experience of consideration of an image of the child of the military period on a material of the texts of the Georgian and Russian writers N.V.Dumbadze "I see the sun" and A.I.Pristavkina "The gold cloud overnights".

Keywords: image of the childhood; dominating themes, motives and the images; character of the image of a picture of the world of the child.

Детство представляет собой начало человека, его потенциал будущности, возможности ее воплощения. Это неотъемлемая часть образа жизни и культуры любого отдельно взятого народа и человечества в целом.

В предлагаемой статье осуществлен опыт рассмотрения образа ребенка военного периода на материале художественных текстов грузинского и русского писателей Нодара Владимировича Думбадзе «Я вижу солнце» (1962) и Анатолия Игнатьевича Приставкина «Ночевала тучка золотая» (1987), что обусловлено спецификой общего историко-культурного пространства, в котором реализовался образ детства. Немаловажным фактом является и художественная ценность произведений, вклад писателей в развитие литературы о детях. Судьба героев обоих произведений во многом совпадает с судьбой авто-ров. Отличительная особенность произведений – автобиографичность.

У Н.Думбадзе использование автобиографических элементов более ограничено, он не ставит целью изобразить в лице Сосойи Мамаладзе самого себя. Скорее использование редких автобиографических элементов говорит только о том, что писателю сложно изображать своего героя в лоне семьи, картины воспоминаний о которой достаточно смутны. Герой Думбадзе смотрит на все легко, любые проблемы решает незатруднительно. Этому способствовала сплоченность жителей деревни, которая приютила маленького Нодара и окружила его чувством жизнелюбия и доброты.

У Приставкина же раскрываются две особенности его творчества. Во-первых, это автобиографизм, требующий от писателя изображать только лично пережитое, пропущенное через сердце. И, во-вторых, стремление быть всегда на гребне общественных событий, отыскивая при этом свой собственный угол зрения, проявляя личностный, персонафицированный подход к ним. Писатель же хочет рассказать читателю о том, что деформировало юное поколение современного ему времени. Он пытается наиболее ярко изобразить все, чтобы заставить задуматься над странными зигзагами истории, над тем, что развитие человечества не всегда идет по поступательной, восходящей линии.

Способ выражения авторской позиции имеет ряд общих черт: воплощение мысли о красоте, гармонии и единстве мира; актуализация таких ценностных центров художественного мира, как дом, родина; доминанта воспоминаний – повторяющиеся мотивы сна, солнца и неба, использование фольклорных элементов. В анализируемых произведениях, детство, как целостное понятие, отличается, во-первых, связью с социально-политической проблематикой, с проблемой национального характера, во-вторых, связью с вопросами воспитания, взаимоотношения мира взрослых и детей.

В произведениях ценностные ориентации героев и авторов совпадают, все события проходят через их сознательную и принципиальную оценку. К примеру, Приставкин с полным пониманием относится к поступкам детей, оправдывая и защищая их. Называя некоторых воспитанников «шакалы», он отдаляет их от братьев Кузьминых. С уважением, прислушиваясь к не по годам мудрым рассуждениям Сашки, соглашается с его миропониманием. Кузьменьши выступают здесь как носители народной мудрости.

В романе Н. Думбадзе «Я вижу солнце» повествование идет от первого лица, все, что окружает мальчика, передается читателю через его мироощущение, а поступки и переживания проходят через призму его сознания. Сосойя дружит со сверстниками, на равных общается со взрослыми.

Если в повести Приставкина мы наблюдаем за детьми с 1944 по 1945, в течение одного года, то за судьбой Сосойи и Хатии – с 1941 по 1945. Взаимоотношения их трансформируются из детских дружеских в юношески влюбленных и даже в «сообщников» (обман во время обмена вещей во имя моральной поддержки стариков, дойка коз). «...Целую неделю я и Хатия ровно в полдень появлялись у водопада. Начиналась погоня за козами... Мы возвращались домой в разодранной одежде, с окровавленными руками и полным горшочком молока [2: 46]», – пишет автор, житейские истории которого легли в основу сюжета произведения, или, по выражению А. Руденко-Десняк, прочно «проросли» в литературе [5: 236]. Художественный вымысел, точнее домысел писателя не раз принимали за фантазию и упрекали его. Редакция «Дружбы народов» недоумевала: «Вы фантазируете. Хатия и Сосойя пошли менять одежду на кукурузу, старый крестьянин кукурузой их одарил, а вещей не взял. Напечатать напечатать, но кто

вам поверит? [5: 235]. Действительно Н. Дум-бадзе менял пальто и сапоги на кукурузу в военное время, но никто ему их не возвращал. Писатель вставил, этот эпизод в роман, потому что ему хотелось, чтобы люди верили и знали – совершить добро безвозмездно в жестокой обстановке возможно.

Метаморфозу в отношениях к бригадиру Датико Сосойя переживает неравнодушно: в своих попытках осмыслить негативные изменения он способен к точной расстановке акцентов. В начале романа это нормальные соседские отношения, немного раздражающие маль-чика в связи с интересом бригадира к его тете:

После дезертирства Датико Сосойя относится к нему с презрением, отзываясь о нем не иначе как о каком-то звере. Следующей ступенью его отношения к бригадиру становится жалость к потерявшему себя и свои корни человеку: *«Датико закрыл лицо руками, упал на колени и громко зарыдал. Я смотрел на Датико и завидовал Хатиш, которая не могла видеть, как плачет и тает на глазах этот огромный сильный мужчина»*, [2: 235].

Совершенно разное отношение к двум мужчинам: недоверие к Датико и уважение к Анатолию у Сосойи идет на том же подсознательном уровне чувств, что и у ребенка, отчетливо отражаясь в его снах. Ему снится сельская церковь, тетя в подвенечном платье. В первом – не одобряет союз тети Кето с Датико, а во втором – просит тетю не отпускать Анатолия, они счастливы втроем. В этих бессознательных чувствах раскрывается детскость и чистота помыслов, присущих Сосойе.

Сновидения Сосойи играют для него большую роль и несут в себе смысловую значимость подсознательного восприятия дорогих в его жизни людей. Во снах он видит стоящую в подвенечном платье тетю, «как две капли воды похожую на Деву Марию». Самоценность сновидений мальчика определена в его размышлениях: *«Я люблю сны. Спящий человек, не видящий снов, все равно, что покойник. Я считаю так: днем, когда мы ходим, разговариваем, спорим – мы живем. Ночью, когда мы спим и не чувствуем ничего, – мы мертвы... Я же все свои шестнадцать лет прожил сполна, потому что за редким исключением каждую ночь я вижу сны»* [2: 148].

Доминантные образы и мотивы, встречающиеся в анализируемых художественных текстах, как объективные предпосылки смысла

произведений и способствуют более точному пониманию позиции авторов. Условно разделив на группы, обнаружили небесные атрибуты, символы пищи, христианские символы, образы двойничества.

1. Символы небесной атрибутики:

Солнце – это символ божества, его всепроникающей власти. Символизирует также созидательную энергию и сияющую любовь бога.

В романе «Я вижу солнце» является центральным символьным элементом и означает собой надежду, веру в будущее, в победу добра, в светлые стороны жизни.

«Мы станем лицом к востоку, увидим восход золотого солнца, и тогда Хатия скажет: – Люди, это я, Хатия! Я вижу вас, люди!» [2: 318].

Туча (облако) – символ духовного и физического плодородия. Символизирует собой изобилие. Также означает божественное откровение и присутствие бога.

В повести «Ночевала тучка золотая» образ тучки является доминирующим. Это символ судьбы мальчиков, вечно голодных, вечно холодных, переживших военное лихолетье на груди угрюмого Утесародины.

2. Символы пищи:

Хлеб – в произведениях не только жизненно необходимый продукт, но и метафора духовной пищи. Хлеб, разделенный и съеденный с кем-то вместе – знак союза, братства.

Образ хлеба и его символическое значение усиливается из-за влияния описываемых исторических событий войны и последовавшего за ним голода. Свое воплощение образ нашел в обоих произведениях, но различается тем, что в повести Приставкина хлеб имеет больший акцент и является «центром» существования героев, их вселенной.

«Проникнуть в хлебрезку... Глазком, чтобы наяву поглядеть на все великое богатство мира в виде нагроможденных на столе корявых буханок.

И вдохнуть, не грудью, животом вдохнуть опьяняющий, дурманящий хлебный запах...» [3: 6]. В произведении Н. Думбадзе образ еды мчади дан как бы со стороны взрослого персонажа: *«С минуту тетя смотрела на жадно евшего немца, потом снова вернулась на кухню, вынесла весь оставшийся мчади и отдала ему»* [3: 8].

Фрукты – символизируют процветание. Обычно используются для описания райского состояния.

В повести «Ночевала тучка золотая» дети едут из голодного Подмосковья на юг на Кавказ, с мечтой о горах хлеба. По дороге начинают сталкиваться со сказкой, которая продолжится и на месте их дислокации в виде гиперболизированных фруктов и по количеству и сортам, а самое главное плоды не были запретными:

«Еще удивляло: без присмотра, без сторожей растет на этой черной земле всякий фрукт и овощ»; «В садах растет желтый плод – алыча. Прямо на улицу перевешивается, рви да жри до отвала. А у насыпи еще один плод, тоже бесплатный, – терном зовется. И его завались» [3: 83].

Христианские символы:

В обоих произведениях использованы элементы христианской символики. Чаще они даются как сравнения, но также выступают в качестве отражения поспудного смысла сказанного, то есть подтекста и реминисценций:

Девы Марии: «Тетя Кетеван как две капли воды походила на мать божью Марию»; «Я сплю и вижу сон: перед нашей сельской церковкой в белом подвенечном платье стоит тетя – стройная, красивая, как божья мать» [2: 173].

Метафора «Ноев ковчег» и сравнение времени военного разора с великим потопом: «Поезд, как ковчег, собирал из детдомов каждой твари по паре, и жить им теперь предстояло, как после великого потопа, на одной кавказской земле» [3: 28].

Мотив насыщения райскими плодами: «Огурцы и морковь, молодую свеклу толкали за пазуху и в рот, отплеывая черную, на вкус пресноватую землю. Крутили голову незрелым подсолнухам в желтом цвете, а если не хватало сил, выдергивали с корнем и так, словно дрова в охапке, волокли к вагону» [3: 64].

Мотив первозданной библейской красоты: «Несколько раз она повторила: «Библейские горы». Что это значит, братья не поняли. Но догадывались: пусто... Регина Петровна рассмеялась и сказала, что Библия – это такая большая, большая сказка... А написали ее евреи» [3: 148].

Доминантный образ дороги в произведениях – символизирует поиск места в жизни, переход одной стадии человеческого существования к другой.

Дорога как символ жизни и смерти, дарующей силы. Это дорога, по которой уходят на войну солдаты. Дорога, ведущая к новой жизни, ее взлетам и падениям. Дорога, направляющая к дому. Вечное движение: *«Куда ты идешь, дорога? Куда ты ведешь нас? Я видел, как в 41 ты, живая, грозная, печальная, увела моих односельчан на войну. Многих ты увела тогда, дорога...»* [2: 292].

Сосойя просит, чтобы дорога вернула тех, кого увела тем теплым летним днем. Мальчик просит и за тех, на чьи имена пришли страшные письма в конвертах, на которых написаны адреса. Упорная вера в жизнь не позволяет мальчику падать духом и поддерживать других. И вот дорога начинает выполнять его просьбу. Домой возвращаются сыновья и отцы села, приходит сила села – мужчины. Наступил 1944 год: *«Люди, покинувшие село в 41 году, возвращались по той же дороге. Возвращались увешанные орденами и медалями. Возвращались раненые, обескровленные, изуродованные, но не сломленные, сильные духом, полные веры и надежды»* [2: 293].

У Думбадзе дорога очеловечена: Сосойя разговаривает с ней, не ожидая ответа. Эта дорога уводит его односельчан на чужбину, но возвращает не всех. Не раз звучит монолог мальчика о дороге: *«Многих ты увела тогда, дорога! Но есть же предел твоему движению вниз? Есть же граница, откуда ты должна вернуться обратно?»*; *«Рука об руку мы будем шагать вместе с тобой до бесконечности. Тебе больше никогда не придется доставлять в наше село вести о нас в треугольных письмах и конвертах. Мы вернемся сами, дорога!»*. [2: 8]. У Приставкина дорога представляет собой весь путь горестного (сиротского) путешествия братьев: Подмосковье – Кавказ. Дорога – это пространство жизни героев, пространство их судьбы. Пространство судьбы тысячи и тысяч депортированных из родных и насиженных мест, с которыми их развела дорога. Два полюса, которые становятся жизненными центрами для Кузьменьшей, этапами, вехами их жизненного пути, обозначены уже в первых строках повествования: «грязненькое» Подмосковье – таинственный и недостижимый Кавказ. Погибший Сашка оказывается навечно соединен с дорогой, с поездом, увозящим его вдаль. Вечное путе-

шествие в небытии. Но и с Колькой мы расстаемся в поезде, который увозит их с Алхузуром в неизвестное будущее. Финал повести открыт, завершая историю жизни детей на железной дороге.

«Колька не мог остановиться, он плакал все сильнее, и только поезд стучал колесами, что-то подтверждая: «Да-да-да-да-да-да...» [3: 246].

Образы двойничества:

Близнецы (двойники) – символ гармоничного дуализма. Обычно неразделимы, так как действуют в гармоничном единстве. Близнецы либо дополняют друг друга, либо являются антиподами. Их сила либо в единстве, либо в противодействии. Их двойственность усиливает их символичность.

Колька и Сашка совершенно разные, но лишь настолько чтобы гармонично друг друга дополнять: *«Две головы Кузьменьшей варили по-разному».*

Сашка, как человек мирозерцательный, спокойный, тихий, извлекал из себя идеи. Как, каким образом они в нем возникали, он сам не знал.

Колька, оборотистый, хваткий, практичный со скоростью молнии соображал, как эти идеи воплотить в жизнь. Извлечь, то бишь, доход» [3: 7].

Как абсолютно идентичные «близнецы» выступают два поезда, случайно встретившиеся в пути. У пассажиров одного поезда единственная мечта – достичь «земли обетованной». У пассажиров другого поезда – чувство недоумения и горя, что ждет их за пределами обжитой земли своей? В тот момент ничто не могло предвещать это: *«Наши поезда постояли бок о бок, как два брата-близнеца не узнавшие друг друга, и разошлись навсегда, и вовсе ничего не значило, что ехали они – одни на север, другие – на юг* [3: 88].

Несмотря на мотив неузнавания они «были связаны одной судьбой», имя которой – война.

И уже как «близнецы»-антиподы выступают Анатолий и Датико. Оба – побывавшие на войне солдаты, но выходят оттуда с разными результатами: один – герой, второго – презирает вся деревня. Оба влюблены в одну и ту же женщину. Отношение мальчика и его сновидения выступают в роли «лакмусовой бумажки», выявляющей истинную сущность каждого. Эти два персонажа выступают как анта-

гонисты, антиподы, которые не могут сосуществовать на одном нравственно-философском жизненном поле.

Известно, что в литературе 20-30-х годов XX века остро звучит тема сиротства. Главными героями произведений становятся дети-сироты, которые вынуждены сами заботиться о себе, о своей жизни. В произведении А. Приставкина сиротство имеет различные социальные оттенки – детдомовцы, колонисты, беспризорные, породившие в обиходном, их собственном языке определения: «урки», «шакалы», «шпана», «блатяги», «дикая орда»...

Вся система отношений и обстоятельств, в которую погружены дети, направлена на то, чтобы вытравить из них сознание осмысленности и ценности своего существования, низвести его на уровень физического прозябания, а в конце концов обратить в не-существование – так, чтобы памяти о них не осталось: «из ничего вышли, в ничего ушли».

Обстоятельства жизни героев романа Н. Думбадзе благополучны. Сирота, воспитываемый тетей, он все же согрет любовью и уважением, как ровесников, так и взрослых жителей села. Трудности его жизни – это трудности жизни всего народа. Человеческое окружение Мамаладзе многолико, многоголосо, многолюдно – это вся Грузия, оно направлено на то, чтобы воспитать в нем сознание осмысленности и ценности своего существования, памяти к своим истокам, оно воспитывает в нем положительные человеческие качества.

Взаимоотношения селян не портятся даже войной, люди становятся настороженнее, но не злее, а суровее. Они по-прежнему заботливы и внимательны по отношению друг к другу. Единственное, что они никогда не принимают – это предательство. В романе Н. Думбадзе представлена социальная модель нормального, человеческого сосуществования людей разных национальностей и разных миров, даже в эпоху вселенской беды.

Особую функциональную нагрузку в произведениях несет мир природы, пейзаж, окружающий детей. В произведении А. Приставкина – это грязенькое Подмосковье, зимнее Томилино, где подчеркивается серость и тяжесть существования детей. Но именно здесь дети впервые услышали таинственное слово «Кавказ».

И вот мечта братьев сбылась. Они едут на Кавказ, и для голодных детей подарком был въезд в полосу Черноземья, где их встретили сады

и огороды, полные различных фруктов, овощей и незнакомых растений. По мере приближения к Кавказу их охватывает страстное желание увидеть горы. Они мечтают о том, что, когда вернутся в томилинский интернат, будут хвастать тем, что видели настоящие горы.

Впервые Кузьменыши видят их из окна вагона. И как восхитительно странно было им понимать, что вот эти тучки, которые начали из синевы переходить в нежную розовость и есть горы! И здесь детей охватывает радостное волнение, горы для них как символ счастья, свободы и благополучия неземной красоты.

Горы, горы..., которым нет никакого дела до проблем людских, их величие не колеблет ничто. После большого потрясения из-за поджога дома Регины Петровны Сашка смотрит на горы: *«Чистое, без единого облачка, наступало новое утро. Горы празднично блестели в высоте и светились своими снежными вершинами. Они казались такими близкими. Никакой пожар, никакие ночные страхи не могли поколебать этой вечной неземной красоты»* [3: 145].

И это восприятие гор не разрушится даже после гибели Сашки, когда Колька, просыпаясь утром, оглядывает мир, мечтая, чтобы то, что было вечером, оказалось просто сном. Ему тяжело было это осознание собственного одиночества, страх перед которым незадолго до этого обнаруживал в себе Сашка. *«Было утро, теплое, без единого облачка, без ветерка. В голубом, по-утреннему, небе четко вырисовывались близкие горы. Просматривалась каждая морщинка на них»* [3: 210]. И сидя у тела убитого брата, он наблюдает, как горы растворяются в теплой дымке, догорая на краю неба словно угольки. Это описание вечерней «смерти» гор, словно отзвук глубоко страдающей и умирающей Колькиной души.

За братьями постоянно следовал мотивный образ пустыни. Он появляется, когда, прислушиваясь к разговорам о возможной отправке изголодавшихся беспризорников в край изобилия, Кузьменыши скептически предвидят, что *«никакому Кавказу от такой встречи несдобровать. Оберут до нитки, объедят до сучочка, по камешкам ихние Казбеки разнесут... В пустыню превратят! В Сахару!»* [3: 8]. Пустыня – один из главных образов-символов повести, для героев которой окружающий мир так же неуютен и необъятен, враждебно-равнодушен, как пустыня.

Без малейшего сожаления расстаются они с томилинским детдомом, с Подмосковьем, с самой Москвой: «да пропади пропадом, задарма, этот неуютный, невытый, проклятый, выхолощенный войной край!» Что впереди – неизвестно, но того, с чем расстаются, не жаль. *«Обветшали, обзаплатились, ободрались, обовшивели в Подмосковье, теперь сами будто от себя с радостью бежим. Летим в неизвестность, как семена по пустыне. По военной – по пустыне – надо сказать»* [3: 15].

Пустыней для них окажется и «благословенный горный край» – «пустынно и глухо» встречает их чужая, таинственно и враждебно затаившаяся «красивая земля». Пустыня, для героев Приставкина, пространство, где нельзя, да и негде остановиться, приткнуться, осесть; его нужно попытаться преодолеть, пересечь, избыть – непрерывным движением сквозь нее.

В романе Н. Думбадзе изображается Западная Грузия, Гурия. Иногда действие перемещается в другие деревни, как например, в случае продажи детьми вещей, когда они попадают в Набеглави. Писатель поэтизирует писателем пение кедровки, закат солнца, деревушки, горы... *«Кедровка на сухой ветке шпанской вишни пела так самозабвенно, с таким упоением, что тетя прервала работу... А кедровка продолжала свистеть, временами поглядывая искоса на катившееся к закату солнце...»* [2: 170].

Образ солнца иногда выполняет функцию символа надежды: на будущее, на лучшее, на выздоровление Хатии: «– Ты совсем ничего не видишь? – Вижу солнце... Врач сказал папе, что раз я вижу солнце, то мне можно вернуть зрение» [2: 194].

В ситуации со смертью Бежаны, когда его, раненого, несут до-мой, он спрашивает у детей, видят ли они солнце, не ушло ли оно за горизонт? Для Бежаны невозможность видеть солнце символизировало смерть.

И даже голод Сосо заставляет его воспринимать солнце по-новому. Оно ассоциативно вызывает у него сравнения с хлебом, округлым и теплым:

«За горой медленно опускался огромный медный диск солнца. Он напоминал мне выпеченный на кеци дымящийся мчади, и я пожалел, что этот исполинский мчади опустится где-то в другом месте» [2: 259].

Солнце символизирует собой конец и начало дня, жизни.

Мифологизированный образ природы, оно обладает высшей мудростью и знанием, оно способно видеть, понимать и сострадать человеку: «... и я был уверен, что небо, наверное, видит нас – Хатию и меня» [2: 298].

Немаловажную роль в жизни села и самого Сосо играет река. Река – это их кормилица, их друг и коварный враг. Реку любят, боятся, но относятся уважительно.

В произведении образ реки связан процессом рыбалки. В это голодное время рыбалка – один из основных способов добычи еды: «После преобразования вода в Сусе становится холодной, как лед, усач и сельдь залегают на спячку. Они разыскивают пустотелый валун покрупнее, забираются туда и до самой мартовской оттепели лежат без движения...» [2: 228]. О такой рыбьей повадке в селе знает каждый уважающий себя мальчик. И соответственно Сосо не исключение. И ложась в холодную воду он достает из-под валуна рыбу.

Сложность взаимоотношений двух миров – детского и взрослого является одной из основных мотивов произведений. В повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» мир взрослых представлен Региной Петровной, преподавшей детям урок добра и милосердия. Они познакомились с Региной Петровной в дороге, она была воспитательницей. Правда, даже умная, сердечная Регина Петровна понимает братьев не до конца, не отличает их друг от друга. И все-таки именно Регина Петровна увидела в этих лишенных детства беспризорниках просто детей и попыталась открыть им не существовавшие для них раньше радости жизни. Именно она, впервые в их жизни, дала им представление о семейном быте, уюте, тепле. Дала почувствовать вкус счастья. Благодаря Регине Петровне братьев не разлучили во время болезни. Вместе добрались они до Кавказа. Другие взрослые представлены в образах двух директоров детдомов, где волею судьбы оказываются братья, «шоферицей» Верой, отнесшейся с пониманием к детям.

Но не только положительные люди окружали Кузьменышей на Кавказе. Отрицательный опыт они вынесли из общения с Ильей, Зверьком, обманувшим их, когда дети пытались выжить в чужом крае и не сгинуть.

Мир взрослых и детей в романе «Я вижу солнце» дается нам через восприятие Сосо. Он, как кладезь народной мудрости, наде-ляется автором правом судить людей и их поступки.

Сосойя Мамаладзе воспитывается в семье тети Кето, его роди-тели были арестованы в 37 году, вначале отец, а затем мать. Памяти о них почти не сохранилось. Но будучи сиротой он не испытывает недостатка душевного тепла. Он сын своего народа, своей деревни и своей страны. Он любит свою деревню, ее жителей, природу своего края. В романе очень интересными для понимания духовного склада мальчика являются его импровизированные «диалоги» с умершим Бежаной, с дорогой, а также диалоги с тетей, когда он рассуждает о тяжелой доле вдов, мужа которых не вернулись с войны. И конечно же, беседы с Хатией, с Бегларом, с Лукайей и др., где он провозглашает антимилицаристские идеи.

Мальчик выступает как хороший аналитик, предсказывая в разговоре с Бегларом, что война закончится только в 45 году: «— *Захватил Гитлер нашу территорию? Захватил! Должны мы отнять у него эти земли? Должны. Потребуется на это время? – Потребуется! – Ну вот! Чтобы изгнать немца с нашей территории потребуется не меньше двух лет!*» [2: 249].

Присущ мальчику также и «утопический» настрой, который проявляется в диалоге с Хатией о неисполнимом желании Сосойи зеркальности неба: «*Люди увидели бы друг друга и поняли бы, что не такие уж мы и плохие, как нам это иногда кажется, что нет у нас оснований ссориться и враждовать меж собой, и не стало бы на земле войн и кровопролитий*» [2: 287].

Мальчик пропускает через себя судьбы всех людей, окружающих его. Сочувствует им и пытается помочь. Одной из ряда значимых для него людей, является та, которая с детства занималась его воспитанием, растила его – тетя Кетеван. Это одинокая женщина, мечтающая когда-нибудь обрести свою любовь. Именно поэтому она тянется вначале к Датико, который не оправдывает ее надежд и разбивает все иллюзии своим дезертирством и последовавшим за этим звериным поведением, а затем к Анатолию, к которому тянется и Сосойя.

Представителями детского мира выступает Нодар Головастик – собирательный образ всех школьных друзей Сосо, его товарищ, противник на уроках военного дела.

А.И. Приставкин и Н.В. Думбадзе – писатели, которые вписали «текст детства» в литературу XX века, привнесли в её освещение иной взгляд, иной угол художественного зрения. Поскольку, «...этимология слова «текст» включает три семантических компонента: то что сотворено, сделано человеком; связность элементов внутри этого сделанного; искусность этого сделанного» (Lib.ru/CULTURE/RUDNEW/Slowar.txt)

Сравнительный анализ произведений А. Приставкина и Н. Думбадзе позволяет нам заключить следующее. Авторы пытались показать, как в условиях жестокой войны закаливаются детские характеры, как происходит становление детского самосознания. Ожесточение и очерствение детей связано с жестокостью взрослых, иногда неосознаваемой. У героев Приставкина мироощущение детей уже осложнено осознанием собственного сиротства, ненужности миру. Они нужны только друг другу. У Думбадзе же главный герой не испытывает данного конфликта, он ощущает себя сыном своего народа, и поэтому само восприятие войны проходит у него мягче, он не сталкивается с ней лицом к лицу, в отличие от Кузьменьшей.

Писатели, живописуя детские характеры, показывают, что те семена добра и человечности, которые успели заронить в мальчишеские души, не исчезнут.

Образ детства в произведениях «Я вижу солнце» и «Ночевала тучка золотая» имеет ряд общих черт: воплощение мысли о красоте, гармонии и единстве (братстве) людей; актуализация ценностного потенциала художественного мира «дом – родина»; доминанта воспоминаний, повторяющиеся мотивы сна, солнца и неба; использование фольклорных и религиозно-мифологических элементов.

Отличительной особенностью является автобиографичность произведений. Биографический путь писателей стал протосюжетом, а их лично-сти (внутренний мир, характер, особенности поведения) – прототипическим фактом в изображении главных героев, которые откровенны и саморефлексируют.

Среди доминирующих тем, мотивов и образов, обусловивших характер изображения картины мира ребенка можно выделить:

1. Темы войны и сиротства (беспризорничества), бездомности;
2. Мотивы голода, страха, ожидания, веры, ожидания любви-тепла;

3. Образы небесные – солнце, небо; пищи – хлеба, фруктов, христианские мотивы – Девы Марии (Н.Думбадзе); ковчега (А. Приставкин); Библия (А. Приставкин); рай – (Н. Думбадзе, А.Приставкин), а также пространства дороги (Н.Думбадзе, А.Приставкин), двойничества (Н.Думбадзе, А.Приставкин) и пустыни (А.Приставкин).

Литература

1. Ахвледиани З. Нодар Думбадзе. – Тбилиси, 1986.
2. Думбадзе Н. Собрание сочинений в 2-х томах. Т 1. –Тбилиси, 1986.
3. Приставкин А. Ночевала тучка золотая. – М., 1990.
4. Ребель Г. Повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая». – М., 2003.
5. Руденко-Десняк А. Комментарий к счастливой судьбе. О творчестве Нодара Думбадзе. – М., 1985.
6. Руднев В.П. Словарь культуры XX века // Электронный ресурс. – [Режим доступа]: Lib.ru/CULTURE/RUDNEW/Slowar.txt
7. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М., 1999.
8. Эпштейн М., Юкина Е. Образы детства // «Новый мир». – №12. – М., 1979. – С. 25-38.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА-РЕАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (В.И. ДАЛЬ «БИКЕЙ И МАУЛЯНА»)

Исина Н.У.

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
г. Нур-Султан (Казахстан)*

n.isinab1@bk.ru

Статья посвящена анализу повести В.И. Даля «Бикей и Мауляна». В ней рассматривается функция национальных слов-реалий в художественном тексте. В художественном произведении национальные слова-реалии помогают автору воссоздать правдивую картину национальной действительности, своеобразие кочевого образа жизни, быт, нравы и характеры героев. Казахские слова-реалии, сочетаясь с русскими, приобретают новый смысл.

***Ключевые слова:** В.И. Даль, повесть-очерк, сюжет, художественный текст, казахское слово, слово-реалия.*

The article is devoted to the analysis of the novel of V.I. Dahl "Bikey and Maulyan." It discusses the function of national realias in an artistic text. In the work of the Russian writer, national realias help the author to recreate a true picture of the